

«От зачала же создания мужа и жену сотворил Бог. Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут оба в плоть едину. Тем же убо не ста два, но плоть едина. Еже убо Бог сочета, человек да не разлучает».
(Марк 10; 6—9)

ЗАЧИН

ИЗНАЧАЛЬНАЯ РУСЬ

О, настройте, настройте вы гусли свои,
Гуслияры-молодцы,
на возвышенный лад!
И прославьте Петра и Февронию вы.
Имена их во мраке столетий горят.
Те святые супруги в годину потерь,
Бед и крови сумели любовь сохранить.
Где подобную силу отыщешь теперь?
Нет ее. Золотая оборвана нить.
И огонь тот святой в наших душах угас.
Оттого наши души и злы, и темны...
Оттого-то и худо, и скудно у нас.
Нет любви, нет семьи, значит, нет и
страны.
Как в земле из зерна возникает росток, —
Из семьи, из души или трус, иль герой.
Гуслияры! Перелейте же в золото строк,

* Поэма (в сокращении) — из сборника «Святая Русь» (Москва, 2016). В него вошли три произведения: «Святая Русь», «Сказание о Петре и Февронии» и «Тристан и Изольда» — поэмы в стихах, объединенные темой высокой любви: к своему Отечеству, между супругами, в семье, — основе государственности; между влюбленными у разных народов.

Звонких песенных строк радость,
слезы и боль!

Изначальная Русь! Ты еще до Орды
На страданья и беды себя обрекла.
Слишком были и алчны князья, и горды.
Христианская кровь, как водица,
текла...

И слеталось на трупы, крича, воронье.
И в кровавых полях волки выли во мгле.
Потому что сказал брату брат: «Все
— мое!»

И не стало покоя на русской земле.
И кровавая в полночь всходила звезда,
И друг друга понять людям было
нельзя.

И пылали, сгорая дотла, города —
То за власть и за земли дрались князья!

И среди этой крови, пожаров и мглы,
Боже мой, неужели возможна любовь?
Поле. Алый рассвет. Кони. Посвист
стрелы.

Изначальная Русь! Неизбывная боль!..

СЛОВО ПЕРВОЕ

О славном князе Петре Муромском и о его сражении со змеем

Древнерусскую повесть начнем,
помолясь.

Правил в Муроме Петр,
добродетельный князь.

Это было еще до Орды, хоть она
Подступала, грозя, словно туча, черна.
Чтобы русское солнце навек поглотить,
Чтобы в веру свою наш народ обратить!
Но еще до кровавых сражений с Ордой
Шла на русскую землю беда за бедой.

Печенеги да половцы — темная мгла.
Беспощадны, стремительны.
Несть им числа!

Вот в осеннюю пору, в златом сентябре,
Со дружиною князь на вечерней заре
Едет по полю, едет в свой Муром
домой.

Целый месяц земли не видал он родной.
Дрался с ворогом. Трое их было князей.
Каждый с крепкой и верной
дружиной своей.

С кочевыми народами бились они,
Проводили в походах и ночи, и дни.
День — в походе, а ночью — седло
под главу...

Чуть поспишь у костра, глядь —
уже и зовут!

Вспоминали они в разговорах своих
Тот великий поход.
Столетье назад — не вернуть
и не взять —

Русь на половцев вел Мономах и
князьям
Говорил: «Постоим же за землю свою!
Бой дадим супостатам, не дрогнем
в бою!»

И не дрогнули. Сеча великой была.
Солонец-река кровью, казалось, текла.
— Боже! Боже! — зывали князья.—
Помоги!

И услышал Господь. И бежали враги.

Князь с удачей, с победою едет домой
И с добычей богатою боевой.
Что отрадней победы, добытой в бою?
Славно землю они защитили свою.
Бились вместе за Русь. Вот бы так
и всегда!

А то ссоры, усобицы, распри. Беда!

И беда от кого? От князей, от своих!
Больше, чем от врагов, Русь страдает
от них.
Да еще вот бояре. Те тоже за власть
Даже дьяволу души готовы закласть.

Вспомнил Петр про далекие,
давние дни.
С Боголюбским раз вместе сидели они
Во дворце белокаменном дивном его
Под Владимиром. Мрачен был князь.
— Отчего?
Отчего ты тоскуешь? —
Петр тихо спросил.
И ответил Андрей:
— Нет надежды — нет сил.
Нету верных людей. И родные
— враги.
Как тут землю сберечь-то?
Спаси, помоги,
Иисусе Христе! Рог боярам сломить —
Вот желанье мое. Ведь они разделить,
Всех поссорить хотят
да и властвовать так!
Вот намедни был грозный, зловещий
мне знак.
Знак такой: неожиданно в спальню,
в окно,
Черный ворон влетел.
Было душно, темно.
Я окно отворил. Что тут? Не разберу.
Да хорошего нет. Видно, скоро помру...
— Что ты, князь?! —
Петр его успокоил, как мог. —
Молод ты и силен. Обойдется! —
Дай Бог!
— Да, Господь защитит. Ну, авось
ничего!
Бог не спас. Через месяц убили его,
Боголюбского, в спальне.
Свои же, родня...

Боже, Боже! Спаси и помилуй!
Средь дня
И средь ночи!
Тяжел этот княжий венец!
Ныне — князь, а назавтра, глядишь,
— уж мертвец!

Смута, смута идет, как чума, по Руси!
Боже вечный, великий, помилуй, спаси!
Муром, Суздаль, Чернигов,
Владимир, Москва...
Не сотрут ли их княжеских драк
жернова?
Не великие княжества. Что, как сотрут?
Э! На все — Божья воля.
Свой княжеский труд
Исполняет он честно. Во граде его
Уж совсем-то худых не найти никого.
И ремесла растут, и торговля растет.
Не бесчинствует, Бога боится народ.
Полноводна Ока. И туда, и сюда
Прошывают с различным товаром суда.
А сады, а поля! И конца не видать.
Липы, клены, дубы. Тень, покой.
Благодать!

Как-то Всеволод Юрьич Большое
Гнездо,
Побывав здесь, сказал:
«Хорошо тут зело!
Зелень, тишь. А как храмы звонят!
Лепота!
У меня, к сожаленью, музыка не та.
Все грызня да раздоры, да драки
за власть.
Ох-хо-хо! Долго ль тут и упасть,
и пропасть?»
Дед Петра с Ильей Муромским
дружен был. Тот
Говорил: «Этот город мне силу дает!»
Отвечает и Петр: «Хоть любого спроси:

Лучше Мурома города нет на Руси!»

(...)

СЛОВО ВТОРОЕ

О праведной и прекрасной Февронии из деревни Ласково

Есть деревня от Мурома недалеко
Под названьем Ласково. Стоит высоко
На холме среди хлебных полей и лугов.
А домов в ней две сотни.
Труд сельский суров.
Лето или зима от темна до темна
Ни присесть, ни прилечь.
Все работа одна.

Вот средь тех полей, бесконечных работ
Там, в деревне Ласково,
Февронья живет.
Молода.
Ей лишь двадцать исполнилось лет.
Ни родных, ни семьи.
И хозяйства-то нет.
Ткет холсты, продает,
тем и кормится. Все
Ее дурочкой кличут, Хавроньей. В селе
Странных, нежных не любят.
Все странности — блажь.
Ты работу давай! Ты уменье покажь!

Вот вам тяжкая доля Февронии той:
Лет семи уж осталась она сиротой.
В чужих людях жила. И от этих людей
Натерпелась сполна. Было солоно ей.

Жизнь деревни всегда нелегка, а тогда
И подавно. Ведь шла за бедою беда.
То скотина подохнет, то голод, то мор,

То пожар.
Так всегда с незапамятных пор.

Сирота — ни к чему. Кто она?
Лишний рот!
Поругают, прогонят. Февронья идет
В лес, на речку.
Речь Природы понятная ей.
Жизнь деревьев и трав, птиц и рыб,
и зверей,
И целебные травы все знала она,
И коренья. И, силой земною полна,
В единенье с природой жила и цвела
Среди грубостей, тяжелой работы и зла.
И пшеничные косы свои распустив,
Она часто бродила средь спеющих нив.
И в глазах васильковых небесный
был свет.
Так цвела красота среди стужи и бед.

А в деревне Ласково своим чередом
Шло житье.
Одинаково жил каждый дом.
Вот зима. При лучине все бабы прядут.
Мужики сбрую чинят да лапти плетут.
По весне на луга отошавших коров
Выгоняют. А там уж и сохи готовы!
Помолясь, землю вспашут, засеют
и ждут:
Даст ли Бог урожай, иль напрасен
был труд.

И однажды постигла беда этот край:
На корню от засухи сгорел урожай.
Что тут делать?
Голодный надвинулся год.
Подтянул пояса деревенский народ!

И молилась Феврония день и всю ночь
И просила у Господа горю помочь.
И помог. Хлеб пекла она из лебеды,

А о нем говорили: «Вкусней нет еды!
И откуда у девки такая мука?
Не с нечистым ли знается? Наверняка!»
А Феврония за ночь хлебы напечет,
А чуть свет —
у избы уж собрался народ.
Раздает она хлеб и хватает его
Всем, всегда.
Обделенного — ни одного.

Вот и стали в деревне тогда примечать:
Вроде вправду в Февронии есть
благодать.
Помогает она. Потихоньку народ
Обращаться к ней стал.
И на помощь идет
Она всем и всегда. Ночь — полночь
— ей не труд.
Заболит ли кто —
вмиг за нею бегут.
Со скотиной несчастье —
опять же за ней.
И бесплатно она выручала людей.

Ну а люди... Добро забывают они.
Снова злятся, завидуют среди суетни.
Только что
чуть в ногах не валялись у ней,
А минула беда — оскорбляют сильней.

(...)

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

О женитьбе Петра и Февронии, их княжении, уходе из Мурома и возвращении

Сколько там миновало, не ведаю, дней,
Но приехал вновь князь за любимой
своей.

Все чин-чином, с подарками.
И преклонил
Перед нею колени, и так говорил:
— Ты, Феврония, знай:
я не шутки шучу,
А законным супругом твоим стать хочу.
Без тебя, право слово, не мил мне
весь свет.
Вот я перед тобой. Дай же мне свой
ответ.
— Ладно, Петр, я отвечу тебе.
Ты мне люб.
Хоть бываешь порою и пьян ты, и груб.
Но друг другу мы Богом назначены.
Знай:
Брак священное дело, и им не играй!
Встань же, князь.
У крестьянки валяться в ногах
Неприлично тебе.
В этом мире все — прах.
Все: и княжий престол, и богатство,
и лесь.
Есть Господь в небесах.
И душа у нас есть.
Так давай же обет свой дадим мы
Ему,
Чтоб двоим нам с тобою быть,
как одному:
Вместе жить, вместе делать все,
вместе — и в гроб.
Так по жизни пройти рука об руку, чтоб
Перед Богом вдвоем непостыдно
предстать
И венцы получить, обрести благодать.
Ты согласен ли с этим? —
Да,— молвил он ей.
— Что ж, тогда я супругою буду твоей.
Будем вместе мы Божии делать дела.
И она, как супруга, его обняла.
И с почетом ее князь в свой терем
везет

И на свадебный пир созывает народ.

(...)

СЛОВО ПЯТОЕ

О праведной кончине святых супругов и последовавших за нею чудесах

Русь была одеялом лоскутным тогда...

А уж к землям ее подходила Орда.

Ненавидя соседей,

лишь власть возлюбя,

Каждый то одеяло тянул на себя.

Пятьдесят было княжеств на русской
земли,

И поладить друг с другом они не могли.

Киев бился с Черниговым, Тмутаракань

Билась с ними обоими. Галич, Рязань —

Все сражались друг с другом

за земли, за власть.

Православная кровь,

как водица, лилась...

И пылали в тех междоусобных боях

Города. По полям ветер пепел и прах

Разносил. Пахло гарью в просторах

степных.

Ликовали лишь звери.

Был праздник для них.

Волки, хищные птицы на наши поля

Собирались, слетались, добычу деля.

Все сулило беду. В те лихие года

Было знамений множество.

Как никогда...

То в июле, в Петров день,

вдруг выпадет снег

И метель заметет. То нежданно для всех

В январе вдруг такая жара настает,

Что клубнику, грибы собирает народ!

То пылают во мраке столбы из огня,

То вдруг темень настанет

среди ясного дня.

То засуха, то мор, то пожары, то град!..

«Близок света конец!»,— все кругом
говорят.

— Как, Февроньюшка, думаешь ты
обо всем?—

Петр супругу спросил.— Что за крест
мы несем?

— Где же бабьим умом мне такое
постичь?

— Ну а все же?

— Я думаю: то — Божий бич.

Отступили от веры мы и от любви,

Захлебнулись во злобе своей и в крови.

Вот Господь и наслал эти беды на Русь.

А что дальше-то будет, о том не берусь

И подумать. Но предчувствую:

будут те беды, мой свет,

Тяжелей и страшнее сегодняшних бед!

— Что же делать, Февроньюшка?

Как же нам быть?

— Больше Богу молиться да ближних
любить.

Пусть обильно вокруг

проливается кровь,

Не оружие все побеждает — любовь!

И важнее всего не богатство, не власть,

А душа.

Как бы в адскую бездну не впасть.

Вот о чем помышлять должен

каждый из нас.

Много ль проку в богатстве,

коль душу не спас? (...)

Петр с Февроньей тогда на молитву
встают.

Пред иконами слезы горячие льют.

Прсят Господа, чтоб вразумил
и помог,
Чтоб не бросил в беде.
И услышал их Бог.

И когда они спали, явился во сне
Светлый ангел обоим в небесном огне.
И сказал: «Вас услышал Господь.
Послан я
Возвестить Его волю.
Должны чрез три дня
Вы уйти в монастырь.
Там, в молитвах, в трудах,
Путь закончить земной в один день.
И когда
Вы отправитесь —
каждый в обитель свою —
Я, Господь говорил, дождь на землю
пролью!

Вот Февронья и Петр встают ото сна,
И дорога дальнейшая им уж ясна.
И по семьям беднейшим Февронья
пошла,
Все свои сбережения им раздала.
Опросила прощенья у всех и сама
Всех простила. Ну, вот уж готова сума
И одежда в дорожку...

А Петр в эти дни
Брата Павла призвал. Рядом сели они.
Петр ему говорит: —
Брат мой милый, прощай!
Ты теперь будешь князем.
И мне обещай,
Что исполнишь все то, что скажу я тебе.
— Все исполню!
— Так вот. Богу верь, не себе.
Силу Божию всею душою пойми.
Люди — что?
Лишь орудия Божьи они.

Только к Богу иди. Если вера тверда,
Утешенье и помощь подаст Он всегда.
Будь ко всем справедлив.
Не зрирай на лицо
И одежду. Умей различать подлецов
И хороших людей. Тем, кто хвалит тебя,
Ты не верь. Это злые враги, не друзья.
Если правду ты хочешь узнать о себе,
Ты к друзьям не ходи —
те не скажут тебе.
Обратись ты к врагам.
Правду скажут они.
Быть умей милосердным.
Народ свой храни.
Время ныне жестокое: слезы да кровь.
Но сильнее всего в этом мире —
любовь!
И в бою, и в беде не оставит, спасет.
Кто не знает любви, всех несчастнее
тот.
Все ты понял?
— Все, брат, — тихо Павел сказал.
(...)

Петр приходит к Февронии.
Ждет уж она.
Во светлице своей у резного окна.
Все! Мирские дела завершили они.
Загораются в душах иные огни.
С этим суетным миром все связи почти
Уже прерваны. К Богу теперь их пути.
И сидят они, и друг на друга глядят
Так, как будто навеки запомнить хотят.
И молчат перед вечной разлукой. Слова
Тут уже не нужны. Все они —
как трава.
Как трава и как листья, что ветер несет.
Слышат души призыв с высших —
Божьих! — высот.
Так, без слов, все друг другу сказали
они.

Вот и все. Их земные кончаются дни.
Начинается Вечность.
Молчанье — устам.
И любовь их теперь уж продолжится там...

Вот Феврония встала, к столу подошла.
Свои звонкие гусли тихонько взяла.
— Дай спою тебе песню.
В последний уж раз.
Больше, милый мой, песен
не будет у нас.
Да и встречи не будет на этой земле.
Ну а в небе...
Что в небе, то скрыто во мгле.
И запела Феврония. Песнь полилась.
И, склоняясь, всей душою внимает ей князь...

ЛЕБЕДИ

Прощальная песня Февронии

«Летела лебедушка со другом
со лебедем.
И в небе высоко им хотелось летать.
Летела лебедушка со другом со лебедем
Во страны далекие. Отсель не видать.
Летела лебедушка над русской
земелькою
И видела с высоты весь бедный народ.
Летела лебедушка над русской
земелькой,
Где счастье не водится,
лишь лихо живет.
И что люди сделали?
Чем Бога прогневали?
За что же им горькая судьбина дана?
И била лебедушка крылами-то белыми,
И так-то пронзительно кричала она!
Летела лебедушка со другом со лебедем
Над темною, сиркою над русской землей.
Летели стремительно.

Покою им не было.
Их души томились печалью-тоской.
Земля им казалась сплошною пустынею.
А им надо Господа, Его благодать...
И так они скрылись. Ушли в небо синее,
В высоты вышние.
Отсель не видать...»

Песня кончена. Вот и в дорогу пора.
Поднялись они и пошли со двора,
Загасив навсегда во светлице огонь.
Петр — в один монастырь,
а Февронья — в другой.
Только вышли Февронья и Петр, —
на пути
Вдруг обрушился ливень,
отвесный почти.
Дождь идет! Хлещут струи небесной
воды!
Все смывают: пыль, сор,
грешной жизни следы.
Скоро новая жизнь возрастет, расцветет,
Напоенная влагой небесных высот!
Дождь идет!
В этих струях слышали б мы,
Как звучат и сияют Давида псалмы!
Как прекрасно, как радостно ливень
пошел!
Значит, будет и в нашей земле хорошо.
И пожары угаснут, и битвы, и боль.
И сквозь пепел и кровь прорастает
любовь!

(...)

О дальнейшем лишь коротко можно
сказать:
Сокровенна, укрыта от глаз благодать.
Петр в монашестве именовался Давид,
Ефросиньей — Феврония.
Как говорит
Нам предание, славно трудились они
На монашеском поприще.

Духа огни
В них горели.
И хоть жили порознь, но все ж
В один день отошли с миром
к Господу. Что ж,
Вот сказанье уже и к концу подошло.
После смерти их дивное произошло:
Их тела оказались рядом. Когда
Разлучили их — вновь стали вместе.
Тогда
Стало ясно всем —
это Божественный знак.
Разлучить тех, кто любит, нельзя уж
никак.

Среди лета, в цветущей и яркой поре,
Схоронили их в Муроме, в монастыре.

И сейчас там их мощи святые лежат
И больных исцеляют, и семьи хранят.
Со скорбями своими течет к ним народ.
И кто верует, помощь всегда обретет.
Был я в Муроме. Был у гробницы святой
Уже старый и неизлечимо больной.
И в молитве своей я о том лишь просил,
Чтобы Петр и Феврония дали мне сил
И любить, и прощать.
И что в жизни дано,
Все нести терпеливо. От Бога оно.
Неуютно сейчас на просторах страны.
Над Россией вновь тучи,
грозны и черны.
Извратились сердца. Нету веры, любви.
Все — на злобе, обмане, деньгах
и крови.
И, грозя, роковой приближается час...
О, святые супруги! Молитесь о нас!